

С. А. Малышкин

**Человек в Бородинской битве:
опыт историко – культурологического исследования**

Известный литератор Ф.Н. Глинка — свидетель и непосредственный участник Бородинского сражения, вспоминая тот день, оставил в своих записях очень любопытное замечание: “Надобно иметь кисть Микель–Анджело, изобразившую страшный суд, чтоб осмелиться представить это ужасное побоище”¹. Впоследствии многие историки и мемуаристы обращались к данной теме, создав за прошедшие почти два столетия подробную и яркую картину событий. И одно из наиболее крупных произведений, как с точки зрения художественного воплощения, так и научной достоверности — это страницы “Войны и мира” Л.Н. Толстого, связанные с Бородинской битвой. Современники неоднозначно восприняли сам роман. В частности, А.С. Норов — в 1812 г. молодой офицер–артиллерист, тяжело раненный в день сражения, очень резко выступил против неверного, с его точки зрения, изложения материала, увидев в нем массу ошибок и неточностей². Конечно, судить художественное произведение с позиций научного исследования — дело явно абсурдное. Тем более, что Лев Николаевич имел свою, достаточно отличающуюся от прочих, концепцию Бородинской битвы. Но вместе с тем этот спор был далеко не случаен и представляет отнюдь не только исторический казус, а имеет непосредственную связь с сегодняшним состоянием изучения Отечественной войны 1812 г.

Л.Н. Толстой рассказывает о Бородинской битве через повседневную, обыденную жизнь своих героев. Их подвиг на страницах романа воспроизводится как выполнение ими целого ряда обязанностей, предписанных воинским уставом, обычаями и традициями, сложившимися в среде русского офицерства в начале XIX в. Насколько же верно писатель отразил именно эту, повседневную культуру военного человека той поры ? Дать ответ на этот вопрос довольно трудно, ибо, исследовательский интерес группируется, в первую очередь, вокруг глобальных проблем, стратегии и тактики Бородинской битвы. Сам же человек, с его внутренней жизнью, мечтами, обыденным поведением, как правило, остается за рамками

научных трудов. И для того чтобы соотнести научную достоверность романа с его художественным воплощением, следует рассмотреть проблему: “человек в Бородинской битве: историко–культурологическое прочтение источников”. Попытаемся наметить основные подходы к этой теме.

22 августа в два часа ночи по дорогам от Колоцкого монастыря к Бородине потянулись артиллерийские орудия, в пять утра дня двинулась и вся армия. В самом селе Бородино на рассвете должны были собраться квартирмейстеры и квартирьеры, которым подполковник Нейдгард покажет лагерные места. Эти каждодневные и рутинные события воспринимались несколько иначе и отметились в сознании современников лишь потому, что они происходили накануне знаменитой Бородинской битвы. Войска подходили по Смоленской дороге к селу и здесь их встречали квартирмейстеры и сразу отводили на указанные места. К этому времени урожай еще не был снят, и войска шли прямо по нескошенному хлебуⁱⁱⁱ. Биваки, коновязи, артиллерийские позиции размещали на выгодных местах, абсолютно не обращая внимание на мирный порядок местных крестьян, которые уже к этому времени повсеместно покинули свои деревни. Практически нигде невозможно было что–либо купить. В тот же день в Можайске из Москвы прибыло продовольствие и “винная порция”. Забирали их в Можайске посланные команды из полков. По мере подхода частей и размещения их на поле к ним подвозили запасы. Сохранились более подробные сообщения о доставке вина. Это было горячее вино, которое требовалось раздать по корпусам: 13 бочек — в 7–й, 12 бочек — в 8–й корпуса и т.д. Пить его разрешалось только с перцем, для чего в каждый корпус доставлялось по два пуда перца. На каждого солдата должно идти по одной чарке вина.

Вечером стали укладываться спать. Солдаты стали разбирать “...избы и заборы Семеновского, Бородина и Горок для строения биваков и раскладывания костров...”^{iv} Вечер и ночь были холодными, с сильным ветром. Офицеры грелись в наскоро сооруженных шалашах, или, как вспоминал Д.В. Давыдов, кутаясь в шинель или бурку. В деревнях оставались лишь крупные сараи и овины, которые занимали под штабы 1–й и 2–й Западных армий, так как сюда постоянно подъезжали командиры корпусов и дивизий, велось делопроизводство, что требовало определенных, хотя бы элементарных условий.

В ночь на 24 августа по приказу инженерная рота полностью разобрала д. Семеновскую, чтобы в случае боя за деревню горящие постройки не мешали проходящим частям. По воспоминаниям современников оставалось два – три дома, отведенные под дежурство штаба армии Багратиона^v. Как и предыдущие дни, утро было холодное с сильным ветром. Все готовились к предстоящему бою. Поэтому в начале дня все частные и казенные обозы потянулись за Можайск, где в шести верстах от города были устроены два вагенбурга.

Утром Кутузов со свитой объезжал войска, расположенные у Шевардинского редута. Участники тех событий, вспоминая впоследствии его объезд, иногда забывают крупные детали. Так И. Р. Дрейлинг писал, что полководец был верхом на коне, но большинство очевидцев считают, что он ехал в дрожжах^{vi}. Михаил Илларионович подъезжал к бивакам — это было около 8 утра, и люди еще не были построены в колонны, “...он поздоровался тоном отеческим и ласково сказал: “Ребята, сегодня придется вам защищать землю родную; надо служить верою и правдою до последней капли крови; каждый полк будет употреблен в дело; вас будут сменять, как часовых, чрез каждые два часа; я надеюсь на вас, Бог нам да поможет! Отслужить молебен” — именно его сердечность и благожелательность вызвали необычайный душевный отклик и высокий подъем в войсках^{vii}. По мере продвижения французов все явственнее слышался от Колоцкого монастыря гул орудий. В это время привезли продовольствие для полков, причем подводы были обывательские, и сопровождавшие их владельцы просили отпустить как можно скорее, пока не начался бой. Наскоро поев, солдаты строились во фронт. Чтобы не выливать вино, рядовым разрешили налить по второй чарке вина, что делалось в крайне редких случаях, а остальное вылили из бочек на землю.

Описание боя за Шевардинский редут приводилось в литературе не раз, и это не является задачей данной публикации. Остановимся лишь на отдельных деталях, которые вызвали удивление и благодаря этому сохранились в памяти участников событий. Так, Тарнопольский пехотный полк пошел в атаку с музыкой и песнями. Видимо, это был редкий случай, потому что обычно с песнями идут в походе на марше. Ни один другой полк так себя не вел. Все поле у Шевардина быстро покрылось ранеными и убитыми. Полки шли в бой под перекрестным огнем, когда не только пули и картечь свистели во всех направлениях,

но и ядра взрывали землю перед идущими шеренгами, иногда вырывая целые ряды. Чтобы поддержать мужество солдат, перед гренадерскими полками встали не только офицеры, но священники в облачении и с крестами в руках.

Вечером сражение закончилось. Ружья были составлены в козлы, и в долинах ручьев, за скатами холмов, так, чтобы не было видно с неприятельских позиций, развели костры и начали варить кашу. Многие отмечают, что ночь прошла спокойно. Егеря не вели с французами перестрелку и даже давали возможность им набирать воду в Каменке.

25 августа утро началось с объезда всей русской позиции Кутузовым. Одновременно вдоль фронта командующий приказал пронести икону Смоленской божьей матери. Ее сопровождали несколько взводов пехоты, со снятыми киверами в руках и ружьями “на молитву”. Толпы солдат и ополченцев сбегались к церковному шествию, которое настраивало людей на торжественный лад. Многие, понимая, что следующий день может быть последним в их жизни, готовились предстать перед Высшим, небесным судом. Отсюда — упоминания о том, что многие одели белые рубашки, отказывались принимать винную порцию. Именно этим можно объяснить повсеместную тишину в русском лагере вечером и ночью. Не случайно в мемуарах офицеров постоянно проскальзывает мысль о размышлениях накануне сражения.

Многие отмечают, что день прошел спокойно. Лишь на левом фланге была перестрелка, особенно в егерях. Н.И. Андреев — офицер из 49-го егерского полка, бывший тогда в цепи, писал: “Во всей армии 25-е число было тихо, кроме нас. На левом фланге стрелков никто не замечал, а у нас в бригаде едва ли осталось по 30 человек в роте”^{viii}. Ополченцы окончательно снесли все дома в Семеновском и на месте деревни насыпали 24-х орудийную батарею. Все готовились к генеральному сражению. Со всех окрестных деревень пригнали множество подвод для перевозки оружия, продовольствия, аммуниции. Погода по-прежнему стояла холодная, к тому же изредка начинался мелкий дождь. Генералы и многие офицеры имели возможность, в отличие от солдат, покидать расположение частей и они, воспользовавшись этим, осматривали расположение русских войск. Известно упоминание Ф. Н. Глинки о том, что он рассматривал

французскую позицию с колокольни Бородинской церкви, куда поднималось много генералов. Другие объезжали расположение войск. Например, И. Т. Радожицкий^{ix}. Солдаты во второй половине дня чистили оружие, приводили в порядок обмундирование. С наступлением темноты в скрытых местах стали разводить костры и готовить кашу. Особенно было подчеркнуто, чтобы в полках было готово на следующие шесть дней сухарей или сухого провианта. Всех снабдили патронами. Ночь была ветреной, и по небу постоянно неслись облака, лишь изредка проглядывали сквозь них звезды.

Для многих участников той битвы, 26 августа 1812 г. остался в памяти как день величайшей трагедии. Очень ярко сказал А. Н. Муравьев: “Я видел эту ужаснейшую сечу, весь день присутствовал на ней... и убедился в том, что без помощи свыше невозможно было... не только устоять, но во многих местах дать победительный отпор разъяренному нападению...”^x Те, кто находился далеко на правом фланге русской позиции и мог наблюдать непосредственно бой со стороны, сравнивали его с живописной картиной. “Был момент, — писал В. И. Левенштерн, — когда поле битвы напоминало одну из батальных картин работы наших знаменитых художников”^{xi}. Те же, кто был в гуще событий, рисовали совсем иную картину.

Рано утром густой туман покрывал предстоящее поле сражения. Яркое солнце “величественно поднималось” и вскоре осветило позиции. Вместе с ним началась артиллерийская канонада. Многие даже не успели выбежать из шалашей и палаток, где они спали накануне, и были сметены вместе с биваками артиллерийским огнем неприятеля. На ходу закусывая сухарями, солдаты стали строиться во фронт. С первых минут сражения гул артиллерии стал настолько сильным, что отдельные разрывы уже нельзя было слышать: грохот орудий покрывал все другие звуки. Н. Дурова вспоминала: “Адский день! Я едва не оглохла от дикого, неумолкного рева обеих артиллерий”^{xii}. Ей вторит уже упоминавшийся И. Р. Дрейлинг: “Грохот тысячи орудий, ружейная пальба — все это слилось в один непрерывный гул; гул уж не слышен; наступает состояние, которое невозможно описать, как будто уж ничего не чувствуешь; является сомнение: да жив ли ты?”^{xiii}. Многие подчеркивали, что земля в тот день постоянно колебалась под ногами, напоминая небольшое

землетрясение. “Тяжко вздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся” (Ф. Глинка). Густой дым поднимался к небу. На левом фланге солнце скрылось за пороховым дымом, и люди сражались почти как в сумерках. В центре сквозь облака дыма проглядывало солнце гораздо чаще, но в моменты атак на батарею Раевского и здесь лучи не достигали земли. На правом же фланге солнце сияло во всем блеске на протяжении всего дня.

Сражение продолжалось весь день, до темноты. Было множество атак, кавалерийских рубок, проявлен массовый героизм. Люди не жалели себя и не считались с жертвами. Не случайно Ф.Н. Глинка отметил характерную черту битвы: “Но в отечественной войне и люди — ничто! Кровь льется, как вода: никто не щадит и не жалеет ее”^{xiv}. Огромные потери с обеих сторон привели к тому, что сотни и тысячи убитых лежали по всему полю. В тех местах, где шли наиболее упорные штыковые схватки, убитые лежали в несколько рядов. Современники писали, что приторный запах крови чувствовался постоянно. Очень часто приходилось не только ступать по лужам крови, но и стоять в них, когда батальоны отбивали атаки. Действительно, чувства людей к концу битвы почти полностью притупились.

У нас имеется значительный комплекс мемуарных источников, которые позволяют подробно реконструировать сюжет: “раненые в Бородинской битве”. Как правило, раненых, если они могли идти самостоятельно, отпускали немедленно в тыл. Тех, кто не мог идти, клали на шинель и несли до первой цепи ополченцев. Но относили только тогда, когда наступало небольшое затишье и можно было на несколько минут отпустить здоровых людей в качестве сопровождающих. Цепь ополченцев принимала раненых, которых уже на носилках отправляли в госпиталь, развернутый в тылу. Не раз в воспоминаниях встречается любопытная подробность: перед расставанием, когда раненого готовили на операцию, а сопровождавший возвращался в строй, они обменивались подарком. Чаще всего это оружие, иногда лошадь. Перед операцией, особенно если речь шла об ампутации ноги или руки, раненых уговаривали согласиться на операцию не только врачи, но и сослуживцы по роте, которые специально приезжали в госпиталь. Обязательно перед сложной операцией раненому “для куражу” наливали рюмку рома или

коньяка. И когда раненый отказывался выпивать, это воспринималось очевидцами как проявление особенной силы воли, а самими оперируемыми помнилось и отмечалось в воспоминаниях даже много лет спустя.

Место, где находились госпитали, вызывало чувство ужаса. Достаточно обратиться к воспоминаниям Ф. Н. Глинки: “На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пересыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран”. Да и само поле сражения было не лучше: лощины, овраги, кустарники были переполнены идущими в тыл ранеными. По рытвинам текли ручейки крови. От госпиталей к Смоленской дороге все пространство было занято едущими подводами, на которых лежали раненые. От д. Татариново и дальше в тыл русской армии было собрано перед сражением более 600 подвод. Но как отмечает современник, их все равно не хватало. Поэтому весь день вдоль дороги до Можайска тянулись легкораненые. Умерших хоронили тут же у дороги, отмечая могилы, сбитыми наспех крестами.

Любопытно, что никто не оставил воспоминаний, рассказывающих в деталях, как они шли в атаку, как шел непосредственно штыковой бой, как их собирали после схватки. Видимо, это не случайно. Напряжение всех душевных сил было настолько велико, что те, кто сам колот штыком, бежал навстречу неприятелю, стрелял из ружья — к концу сражения просто не помнили деталей да и не видели ценности в их отражении на бумаге. Эти детали сохранялись и повторялись в разговорах между собой у костра, в походе на марше, но письменных фиксаций почти не сохранилось. В памяти участников тех событий остались лишь какие-то необычные факты. Так, Д. Н. Болговской вспоминал об одной из штыковых схваток во время атаки Бонами на батарею Раевского: “... Это была скорее бойня, нежели бой: дрались только холодным оружием, что, что бы ни говорили относительно этого, бывает редко”^{xv}. Или знаменитая атака Ермолова и Кутайсова. Очевидец, а это был В. И. Левенштерн, отметил, что командир батальона Томского пехотного полка встал впереди солдат и повел их пешком. Удивительно было не то, что офицер шел впереди, а то, что он не на коне. Любопытно, что в атаке солдатам запрещали кричать “Ура”, чтобы они не сбивали себе дыхание. Кричать начинали обычно в самый критический момент, когда бросались в гущу неприятеля. Напомним, что в знаменитом романе “Война и мир” А. Болконский

был ранен осколком гранаты, хотя мог отскочить, или наконец, упасть на землю. Но ничего подобного он не сделал. По неписанной этике той поры, он и не мог этого сделать. Напомним ситуацию с реальным участником Бородинской битвы — офицером одной из артиллерийских рот Н. М. Распоповым. Еще в самом начале сражения, он с обнаженной шпагой перед лицом всех солдат заставил подняться с земли своего сослуживца, который прилег якобы для того, чтобы выбрать цель для орудия. Офицер не может прятаться от выстрелов, ибо своим примером учит и заставляет точно так же вести себя нижних чинов. Тот же Распопов писал: граната “... вертелась у моего орудия; солдаты, приверженные ко мне, указывая на нее, умоляли меня нагнуться. “Теперь не время нагибаться” отвечал я”^{xvi}. По выработанным военной службой обычаям офицер не мог перед фронтом упасть на землю или присесть от пролетающего ядра. В противном случае солдаты также стали бы приседать, ложиться, кланяться, что привело бы к разрушению строя и невозможности массой каре удержать неприятельскую атаку или выдержать артиллерийскую канонаду.

Напомним, что артиллерийский огонь по стоящим в неподвижности батальонам наиболее трудно было выдерживать. Все участники боя отмечали, что в атаке человек в какой-то мере занят, все его мысли направлены на определенное действие. Находясь же в каре солдат лишь стоит, взглядом провожая каждое ядро, ожидая, что очередное ударит именно в него. Ядра вырывали целые группы солдат. Но передвигать батальоны без разрешения начальства было “строжайше” запрещено 25 августа, как об этом сообщает В.И. Тимофеев. Хотя на практике командиры старались поставить части хотя бы под защиту холмов, ложбин и т.д.

Во второй половине дня сражение стало постепенно стихать. Прекращались атаки, стороны ограничивались в основном артиллерийской перестрелкой. К вечеру в центре русской позиции стоял лишь один 4-й пехотный корпус, “... другие стояли уже на отдыхе, свернувшись в колонны”, как вспоминал Г. П. Мешетич^{xvii}. Начали собираться отставшие от своих частей. Многие офицеры получили разрешение покинуть биваки и отправились отыскивать раненых родных и знакомых. Повсюду горели костры, при свете которых во многих местах Бородинского поля делали перевязки и даже

операции. “Вопли и крики раненых были ужасны, — отмечал Дрейлинг. — И враги и друзья — все лежали вперемежку. А армия, вернее, остатки ее отдыхала. Измученные, лежали мы на пропитанной кровью земле, за которую заплатили такой дорогой ценой”. Всю ночь раздавался “неумолкаемый крик”. Это созывались рассеянные в бою полки и батальоны. Оставшиеся в строю офицеры рассылались в разные стороны собирать людей. Так была собрана 27-я пех. дивизия. Поздно вечером за Семеновской один из офицеров 49-го егерского полка майор Бурмин собрал остатки — человек 40 егерей — это все, что вышло из боя. Подъехавший генерал Неверовский приказал искать людей дивизии, несмотря на их принадлежность к разным полкам и бригадам. Главное — собрать хотя бы оставшихся в живых. К 11 вечера подошли человек 700: кто сам — на крики сослуживцев, кто был встречен в лесу, у деревни, кто пристал к другим частям. Распределение по полкам происходило позже, когда армия отступала к Москве^{xviii}. Примерно также собирали и другие части.

Закончилось сражение, наступила “сырая, темная” ночь, когда солдатам разрешили составить ружья в козлы, развести костры и отдыхать. Если у нижних чинов были хотя бы сухари в ранцах, то офицеры оказались в гораздо худшем положении. Все частные повозки были отправлены за Можайск еще накануне битвы, там же находились полковые. И все почувствовали голод, все вспомнили, что они не ели с утра, но есть было нечего. В воспоминаниях постоянно мелькает, что удавалось у кого-то случайно перекусить куском мяса, хлеба. Выручали артиллеристы. В своих повозках они имели возможность помимо снаряжения возить и продукты. Очень ярко об этом вспоминал М. М. Петров — командир батальона 1-го егерского полка. Хотя прошло много лет, он помнил даже мельчайшие детали: один из офицеров привез от артиллеристов узелок, в котором было по тому случаю неоценное сокровище: пять или шесть сухарей и две селедки, а также “...фляжку сивухи мерою чарки в четыре”^{xix}.

Наступило время относительного отдыха. Части, которые стояли в передовой линии, практически не спали. Всю ночь они посылали патрули в сторону французов, наблюдая за их передвижениями. Дозорные офицеры постоянно обходили расположение полков. Пополняли из полковых фур патронные сумки. Лишь в полночь на короткое время разрешили прилечь на землю и пару часов поспать. Но

большинство провели ночь без всякого сна. Еще темнота покрывала Бородинское поле, как русские аръергарды стали отступать к Можайску. На позиции оставались лишь казачьи разъезды. Они объезжали все поле. И именно им был обязан спасением артиллерийский взвод Коробьина, забытый у Семеновской деревни. Он не получил приказа об отходе и оставался в передовой линии до утра.

Остались на поле разбросанные тысячи и тысячи убитых и раненых. По словам Н. Н. Муравьева, который ссылается на рассказ очевидца — полковника лейб-гв. Финляндского полка Фон-Менгдена, даже спустя 18 дней после битвы “...ни одно тело не было еще убрано. Смерд был нестерпимый. Оставшиеся после столь долгого времени в живых раненые питались сухарями, добываемыми из ранцев убитых, среди волков, питавшихся сотлежавшими трупами людей и лошадей”. Даже в 1816 г. остатки обмундирования, оружия, кости людей встречались на месте кровавых схваток. Земля была настолько пропитана кровью, что на следующий год, как удивлялся местный помещик, без всяких удобрений урожай был очень велик.

В день сражения русские проявили массовый героизм. Но, конечно, были ситуации, которые грозили самыми тяжелыми последствиями. Это последние фазы боя за Семеновские флеши: ранен П.И. Багратион. Ермолов вспоминал, что войска невозможно было удержать от замешательства: “Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок”^{xxx}. Ему вторил Тимофеев: от Семеновских флешей мимо его полка тянулись в тыл одиночками или группами по несколько человек гренадеры сводно-гренадерских рот, которых приходилось останавливать офицерам и собирать в сводную команду при лейб-гв. Литовском полку. Но и ситуация перед д. Семеновской была не простой: все поле от ручья к флешам было покрыто множеством мертвых тел. Везде шли и ползли раненые, стремясь уйти за Семеновский ручей. Не случайно Ермолов писал: “...Одно общее чувство — отчаяние!” Даже за ручьем первая линия войск не выдержала атаки французской кавалерии. Как отмечал Сен-При, внезапное появление конницы “... распространило беспорядок в первой линии, но они были встречены в упор гвардейскими полками”. Прорвать оборону русских войск неприятелю не удалось. Линия фронта изгибалась, отходила на восток, но не была прорвана.

Восстановить детально картину сражения, историки смогут обратившись не только к сюжетам чисто военным, но и к социально–психологическим. При этом необходимо помнить, что многие факты в сознании участников спустя много лет искажались, приобретали иные акценты. Напомним в связи с этим знаменитую контратаку Ермолова на батарею Раевского. В правдивости описания ее сомневался еще Л. Н. Толстой. Ермолов подробно рассказал, как он бросал кресты перед бегущими в бой солдатами. Документы об этом событии говорят несколько иначе. Сохранился рапорт Барклая де Толли Военному министру Горчакову от 25 сентября из Калуги. В нем генерал пишет: “Семь крестов знаков отличия даны были мною в день сражения 26–го августа при Бородино начальнику Главного Штаба генерал–майору Ермолову для возложения на отличившихся при взятии штурмом центральной батареи, и как сей генерал вскоре был ранен, то и здал сии кресты старшему командовавшему войсками на той батарее командиру 24–й пехотной дивизии генерал–майору Лихачеву, а как сей генерал взят был потом в плен, то и не можно доставить Вашему сиятельству сведений, за какими номерами были сии кресты, быв отданы в самом пылу сражения и пропали со взятием генерала Лихачева, который их никому не роздал”^{xxi}. Несмотря на подобные ошибки и искажения в мемуарах участников, путь изучения мотивации поступков людей, их надежд и мечтаний, несомненно, обогатит наши исследования по теме Бородинской битвы.

Примечания

ⁱ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985, с. 159.

ⁱⁱ Норов А.С. Война и мир. 1805–1812: С исторической точки зрения. По воспоминаниям современников. (По поводу сочинения графа Л.Н. Толстого “Война и мир”). Спб., 1868.

ⁱⁱⁱ Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары: Избр. страницы. 1800– 1825 гг. М., 1989, с. 123.

^{iv} Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Давыдов Д. Военные записки. М., 1982, с. 157.

^v Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 336, 370, 393.

^{vi} Дрейлинг И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников ГИМ. М., 1991, с. 373.

^{vii} Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 –го года до [1815–го года] // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995, с. 114.

^{viii} Андреев Н.И. Из воспоминаний // Русский архив. 1879, № 10, с. 191.

-
- ^{ix} *Радोजицкий И.Т.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р... Ч.1. М., 1835, с. 138–139.
- ^x *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986, с. 110.
- ^{xi} *Левеништерн В.И.* Из воспоминаний // Бородино..., с. 366.
- ^{xii} *Дурова Н.* Кавалерист–девица // *Давыдов Д.В.* Дневник партизанских действий 1812 года. *Дурова Н.А.* Записки кавалерист–девицы. Л., 1985, с. 419.
- ^{xiii} *Дрейлинг И. Р.* Указ соч., с.376.
- ^{xiv} *Глинка Ф.Н.* Указ соч., с.161.
- ^{xv} *Болговской Д.Н.* Из воспоминаний // Бородино..., с. 340.
- ^{xvi} *Распопов Н.М.* Из воспоминаний. 1812 год // Русский архив. 1879, № 9, с.39.
- ^{xvii} *Мешистич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 1818 г./1812 год. Воспоминания воинов русской армии..., с. 48.
- ^{xviii} *Андреев Н.И.* Из воспоминаний..., с. 192.
- ^{xix} *Петров М.М.* Рассказы служившего в 1–м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии..., с. 186.
- ^{xx} *Ермолов А.П.* Записки. 1798–1826 гг. М., 1991, с.189.
- ^{xxi} РГВИА. Ф. 29, оп.153 г, св. 5, д.8, л.15 об.–16.